

Ночь становилась всё глубже. Хэйтэн привёл Россета, и они, глядя на Лю Илоу, которого разбудили среди ночи и который сейчас внизу зашивал рану Шэнь Цину, попытались его успокоить.

Шэнь Цин осторожно посмотрел за дверь. Господин Лю вместе с оставшейся в живых служанкой заваривал для них чай. Лу Тяньмин приказал им дождаться рассвета, прежде чем сообщать в полицию.

Россет, наблюдая, как Шэнь Цину зашивают рану и накладывают лекарства, не мог сдержать слёз, которые капали с тихим стуком:

— Ты такая драгоценность, а всё время получаешь ранения! Как же твой муж может быть так занят и не защищать тебя как следует? У тебя же только-только появился малыш!

Шэнь Цин не очень понимал, почему Россет плачет. Наверное, это менталитет сородичей. Он похлопал Россета по руке:

— Ранение так ранение. Мужики ведь...

— Тяньмин наверняка вне себя от ярости, — размышлял Хэйтэн, потирая виски. — Эти бандиты убили нескольких слуг, перебили охрану на вилле. Должно быть, у них непростое прошлое.

Шэнь Цин задумался. Вилла Лу Тяньмина была очень уединённой, и меры безопасности там были превосходными. Эти люди вывели из строя систему видеонаблюдения всего посёлка, нейтрализовали охрану на въезде и только потом проникли внутрь. Прежде чем сработала сигнализация виллы, они отключили электричество и убили трёх охранников в комнате у лестницы. Только после этого они смогли подняться наверх.

Без тщательной подготовки и планирования проникнуть сюда было невозможно, подумал он. Лу Тяньмин стрелял метко, валя одного за другим с одного выстрела. Если бы не то, что Лу Тяньмин вовремя вернулся с людьми, им всем было бы худо.

— Это не люди Эдмунда. Это наёмники, — примерно через полчаса, закатывая рукава рубашки, вышел Лу Тяньмин.

С сигаретой в зубах он равнодушно бросил им эту фразу. На его рубашке были брызги крови, Шэнь Цин взглянул и больше не захотел смотреть.

— Чего они хотели? — поднялся Хэйтэн.

— Карты, — кратко ответил Лу Тяньмин.

Они молча переглянулись, после чего Лу Тяньмин снова зашёл в комнату. Изнутри донёсся душераздирающий крик.

— О какой... какой карте он говорил? — Шэнь Цин долго молчал, прежде чем с трудом приподняться и спросить.

— Разве Тяньмин ничего тебе не рассказал? — Хэйтэн казался удивлённым ещё больше него самого, но через мгновение нахмурил брови. — Тяньмин всегда был человеком с очень высокими барьерами. Не вини его, он боится втянуть тебя.

— Разве об этом нельзя говорить? — с любопытством спросил Россет.

— Нет ничего такого, чего нельзя было бы сказать. Мы же свои, — низким голосом сказал Хэйтэн. — Россет, сходи вниз, помоги господину Лю. Мне нужно поговорить с Шэнь Цином.

Россет что-то пробормотал, надув губы, и ушёл. Хэйтэн приглушил свет и посмотрел на Шэнь Цина.

— Я полагаю, эти люди должны быть членами наёмного отряда, посланного нашим прежним североафриканским работодателем. Только они могли знать о карте. Тебе одним рассказом не объяснить, я начну с самого начала.

Это было ещё в начале девяностых. У Тяньмина дела семьи пришли в упадок. Ему тогда было двадцать, он только что бросил Берлинскую военную академию. Мы были однокашниками. Тогда его отец умер от болезни, конгломерат оказался на грани банкротства и больше не мог платить за обучение в военной академии.

Его отец изначально надеялся, что Тяньмин станет отличным офицером и вернётся служить на родину, но крах конгломерата разрушил все планы. Чтобы спасти дело, Тяньмин заключил соглашение с одним крупным североафриканским торговцем оружием. Тот как раз хотел нанять командира наёмников с хорошей подготовкой в области управления, разбирающегося в стратегическом планировании. Тяньмин идеально подходил под его требования.

А в то время моего отца посадили в тюрьму в США. Я был незаконнорождённым, мои родители не были женаты. Арест отца лишил меня финансовой поддержки для учёбы. В тот раз я, разочарованный, вместе с Тяньмином уехал из Германии и стал наёмником на североафриканском театре военных действий.

Тяньмин блистал на полях сражений в Северной Африке. На мой взгляд, он сам по себе был хладнокровным, почти безжалостным человеком, рассудительным, обладающим свирепостью и дерзостью, недоступной большинству молодых людей его возраста. Поле боя подходило ему гораздо больше, чем учёба. Благодаря своему снайперскому мастерству и острому чутью на поле боя он с лёгкостью заставил ветеранов в отряде подчиниться ему.

Наш 937-й отряд не знал поражений. Тридцать шесть человек, три года, нулевые потери. Для Северной Африки, кишашей повстанцами всех мастей, это было практически невозможным чудом. В те дни было тяжело, не хватало припасов, но каждый день мы были счастливы и свободны, не приходилось о многом задумываться.

Как раз на третий год службы, той зимой, мы выдвинулись в густой лес для выполнения задачи по наблюдению за передвижениями американских войск. Условия в джунглях были ужасными, не было кухонного оборудования, пришлось собирать ветки и разводить костёр. Сняли мягкие вкладыши со стальных армейских касок, почистили их и, поставив каски на огонь, варили лапшу и мясо. Это было обычным делом.

В тот день Тяньмин, вернувшись, привёз нам на машине много армейских консервов. Командир отряда раз в месяц мог пополнять запасы в ближайшем центре снабжения. В наёмных отрядах издевательства над новичками были обычным делом, но его боевые заслуги и свирепый нрав заставляли других командиров не сметь трогать его вещи. Каждый раз, когда он уходил на оперативное совещание, для нас наступало время пира.

В ту ночь мы сварили тушёнку в касках, пели песни у костра, все были очень счастливы. Тяньмин привёз ещё и ящик виски, все немного захмелели. Потому что в тот период стояли лютые морозы, миномёты замёрзли и не стреляли, да и мы были в самом центре джунглей, никакой опасности не предвиделось.

В ту ночь я перебрал, уснул, прислонившись к дереву. Вдруг среди ночи сквозь туман в сознании почувствовал, что на меня кто-то набросился и начал душить за горло. Я подумал, что это вражеская засада, резким движением швырнул того на землю, и увидел — у нападавшего глазницы прогнили, всё лицо было в разлагающейся плоти, совсем не похоже на человека!

В джунглях всякие ядовитые насекомые — обычное дело, укусы, от которых плоть набухает и становится неузнаваемой, тоже не редкость. Но этот человек выглядел как полуразложившийся труп. Я отшвырнул его на землю, а он всё ещё пытался подняться. Я прикладом размозжил тому голову. Вокруг поднялась паника, потому что Тяньмин исчез.

Мы везде искали, просто с ума сходили от беспокойства. А Тяньмин, зевая, приволок в лагерь два трупа. Оказалось, он тоже был пьян и не разобрал, решил, что это вражеская засада. Одному сломал шею, вырвав голову вместе с позвоночником, другому оторвал руку. Он думал, что взял пленных, и потащил ещё дёргающиеся разлагающиеся трупы к костру, собираясь их допросить.

В отряде были североафриканские аборигены, все они бормотали что-то про демонов, чудовищ и тому подобное. Мы с Тяньмином в такое не верили. Когда Тяньмин протрезвел, мы, как обычно, обыскали три обезглавленных трупа. Это была полевая привычка — обшаривать трупы, часто можно было найти что-то ценное.

На всех трёх трупах были армейские жетоны, должно быть, это были американские солдаты. На форме одного из них даже была медаль. Тяньмин нашёл у того на теле, под одеждой, ту самую карту. Нарисована она была очень нечётко, грубо, выцвела от пропитавшей её крови.

На той карте были отмечены четыре точки, соответствующие четырём океанам Земли. Мы совершенно не понимали, что это означает. Тяньмин спрятал карту. Мы сожгли трупы. Спустя несколько лет нас с Тяньмином американцы схватили как военных преступников и бросили в федеральную тюрьму. После этого...

— Хэйтэн, — голос Лу Тяньмина прервал их.

Шэнь Цин поднял глаза. Лу Тяньмин стоял у двери в коридоре, его глубокие глаза были холодны, как отточенные лезвия:

— Зайди, мне нужно с тобой поговорить.

Лу Тяньмин что-то скрывал.

Шэнь Цин смотрел, как уходит Хэйтэн, и странное чувство внутри него всё усиливалось. Лу Тяньмин явно слышал слова Хэйтэна, но прервал его. Что за секрет не хотел, чтобы знал он, Шэнь Цин? Что же произошло после? Как информация о карте просочилась наружу?

Шэнь Цин почувствовал, как в нём начинает клокотать раздражение. Лу Тяньмин был похож на всё увеличивающуюся загадку. Со стороны они выглядели близкими, но он ничего не знал о Лу Тяньмине.

Единственное, что он знал — это то, что тот мужчина в идеально сидящем дорогом костюме, ловко лавирующий в деловых кругах, был всего лишь фасадом, прикрывающим реальность. Шэнь Цину казалось, что тот мужчина, что той ночью в каюте угрюмо чистил Desert Eagle, — вот кто такой настоящий Лу Тяньмин. Человек, в совершенстве владеющий армейским штыком и боевым ножом, чья меткая стрельба убивала с одного выстрела.

— Тебе лучше принять противовоспалительное, — Лю Илоу, зашив ему рану, ушёл вниз, а теперь вернулся и принёс лекарство.

Он лежал на кровати, чувствуя себя очень слабым. Пока он внимательно слушал Хэйтэна, боль не чувствовалась. К счастью, тот человек ударил неглубоко, в основном были порезы. Будь удар сильнее, он бы наверняка умер.

<http://bllate.org/book/15584/1391869>